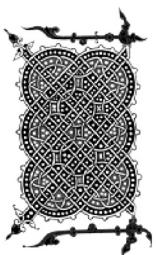

© 2024 Ю. Е. Павельева
Москва, Россия

«МОНАШЕСТВО... ЭТО ЛЕЧЕБНИЦА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ»: РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ О ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ МОНАШЕСТВА

Аннотация. В архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына хранятся письма, воспоминания и другие это-документы представителей белой эмиграции и последующих «волн» русского беженства. Русское зарубежье всегда внимательно относилось к вопросам веры и религиозной жизни, осмыслению истории православных монастырей, в том числе женских монастырей, духовных традиций, сложившихся в монашеской среде. В статье рассматриваются архивные материалы (прежде всего, частная переписка и мемуары), обращенные как к мировоззренческим основам христианства, так и к вопросам организации церковной жизни. Воспоминания И. Г. Берхман, письма монахини Вероники (В. С. Котляревской), другие архивные материалы позволяют понять, как русский мир сохранил себя в изгнании, какую роль сыграла Русская Православная Церковь в сбережении духовного наследия страны.

Ключевые слова: архив Дома русского зарубежья, Всероссийская мемуарная библиотека, И. Г. Берхман, монахиня Таисия (Карцова), монахиня Вероника (Котляревская), православные ценности.

Ссылка при цитировании: Павельева Ю. Е. «Монашество... это лечебница человеческой души»: русские эмигранты о духовных традициях монашества // Традиции и современность. 2024. № 36. С. 26–36

Павельева Юлия Евгеньевна (Pavelieva Yulia Evgenievna) – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», эл. почта: up1469@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2024. № 36. С. 26–36

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>
УДК – 821.161; ББК – 83.3(Рус); <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2024-36/26-36>

Архивное собрание Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (ДРЗ) содержит богатейшие материалы по истории и культуре русского рассеяния. Начало его формирования было положено А. И. Солженицыным, который выступил с призывом к русским эмигрантам присыпать свои воспоминания. В «Обращении к русским эмигрантам, старшим революции» (1975 г.) писатель отметил: «...свидетельство каждого из вас – бесценно, если верно выбрать, о чем каждый может рассказать» (Солженицын 1996: 315). В новом «Обращении к российским эмигрантам» (1977 г.) Солженицын говорил о важности создания Всероссийской мемуарной библиотеки (ВМБ): «Самые “простые” жизни в наше время прикоснулись к чему-то неповторимому, несут в себе важный осколок истории, иногда только этот один человек; но не записав пережитого, не сообщив одноземцам – унесут в беспамятность» (Солженицын 1996: 471). В отношении материалов, которые писатель начал получать от эмигрантов сразу после публикации своих «Обращений», он дал твердое обещание «надежного хранения, постепенной перепечатки и каталогизации их, а как только наступит благоприятное для того время – перевозки их всех в один из городов Центральной России, где они будут соединены с подобными же воспоминаниями людей, проживших всю жизнь в СССР, и составят вместе с ними Всероссийскую Мемуарную Библиотеку, сгусток народной памяти и опыта» (Солженицын 1996: 471). Это обещание было выполнено: рукописный фонд ВМБ стал основой Фонда № 1 архива Дома русского зарубежья. Архивное собрание ДРЗ постоянно пополняется и насчитывает уже несколько сотен фондов, содержащих уникальные исторические источники, среди которых можно выделить эго-документы. При этом следует отметить, что многие воспоминания, дневники и письма обладают высокой степенью культуры, как в этическом, так и в эстетическом плане.

В архиве ДРЗ хранятся материалы, в которых поднимаются вопросы о значении монастырей в истории русской культуры, о духовных традициях, сложившихся в монашеской среде. Примером таких документов являются вошедшие в Фонд № 1 (ВМБ) двухчастные воспоминания Ирины Георгиевны Берхман, младшей дочери генерала

от инфanterии, участника Русско-турецкой, Первой мировой и Гражданской войн Георгия Эдуардовича Берхмана и Елены Васильевны, в девичестве – Потто. Дед Ирины Георгиевны по материнской линии – генерал-лейтенант Василий Александрович Потто, военный историк, за свои заслуги названный «Нестором Кавказской истории». В мемуарах И. Г. Берхман дедушке посвящено всего несколько строк: «Был этот старый генерал человеком замечательным, в чем я отдала себе отчет уже много позднее по рассказам моих близких, – хорошо образованный, известный военный историк, писатель и лектор, преданный своей родине и ее армии, и человек глубоко верующий и одухотворенный. Бабушка Марфа Ивановна мне говорила, что он был духовным сыном Отца Иоанна Кронштадтского, к которому он всегда ездил, когда бывал в Петербурге...» (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 9).

Первая часть воспоминаний И. Г. Берхман повествует о жизни ее семьи в России, событиях революционной поры, истории беженства, мытарств по Европе; вторая – об эмигрантской жизни в Марокко. Этот раздел охарактеризовала В. П. Хохлова, автор статьи о жизни мемуаристки в Африке: «Часть вторая (рукописная) повествует о жизни в Марокко в предвоенные, военные и послевоенные годы. Мемуары были завершены в октябре 1979 г. в Гринсборо (штат Северная Каролина, США), когда автору было далеко за семьдесят» (Хохлова 2007: 40). Следует отметить, что к основному комплексу второй части воспоминаний, датированному октябрём 1979 г. (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 100), мемуаристка дважды делала приписки: в феврале 1982 г. в Гринсборо это были выписки из книги митрополита Евлогия «Путь моей жизни» (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 102–108 об.), а в июле 1989 г. – краткие записи о посещении собора Святого Александра Невского в Париже и о наследницах Покровского монастыря в Бюсси-ан-Отт; эта страничка написана в Маршфилде, штат Массачусетс (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 109). Свои воспоминания И. Г. Берхман отправила А.И. Солженицыну, откликнувшись на его призыв. На титульной странице второй части воспоминаний есть приписка: «Получено в декабре 1997 г.» (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 44 а).

Значительную часть своей жизни И. Г. Берхман прожила в Касабланке, где

была активной прихожанкой Успенской церкви: «В 1935 г. русские построили часовню в честь Успения Пресвятой Богородицы. Затем выстроили церковь Успения Божьей Матери, которую и посещали мать, бабушка и сама Ирина. Церковь стала духовным центром русской общины. Позже Ирина Георгиевна была одним из руководителей местного православного прихода. Помогала русской церкви и ее сестра Века» (Хохлова 2007: 44).

Ценным свидетельством являются финальные страницы воспоминаний И. Г. Берхман, где она приводит выписки о женских монастырях на Холмщине из подготовленной Т. И. Манухиной книги митрополита Евлогия (Георгиевского) «Путь моей жизни». Эти выписки нельзя назвать случайными: с историей женских монастырей связана одна из линий семейной истории И. Г. Берхман. В архивном деле эти выписки занимают 13 листов (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 102–108). Очевидно, что именно эти фрагменты были особенно важны для мемуаристки, отвечали ее духовным потребностям, являлись нравственным ориентиром на жизненном пути.

С цитаты «Женские монастыри в Холмшине имели огромное значение для местной народной жизни. Их было несколько, но монастырем-колыбелью всех остальных была Леснинская обитель» – начинается финальная часть воспоминаний И. Г. Берхман (здесь и далее цитаты приводятся по архивным материалам и в некоторых случаях содержат незначительные отличия от текста книги; ср.: митр. Евлогий 1947: 110–115). Мемуаристка выписывает фрагмент об особенности организации монастырской жизни: «Леснинский монастырь... С течением времени он стал, действительно, тем культурно-просветительным центром, который матушка Екатерина задумала создать. Она основала приюты для сирот, школы для младшего, среднего и старшего возраста, высшее сельскохозяйственное женское училище, церковно-учительскую школу (церковно-учительскую семинарию). В школах ее обучалось до тысячи детей. Можно смело сказать, что весь народ холмский проходил через ее приюты и школы, вся сельская интеллигенция: учителя, учительницы, волостные писаря, агрономы, псаломщики... – в большинстве были ее воспитанниками. Мало этого, она

развела ботанический фармацевтический сад с лабораторией, которой заведовал специальный фармацевт; устроила паровую мельницу; отлично поставила рыбоводство на леснинских прудах посредством сложной системы сообщения между ними.

В Леснинском монастыре создалась какая-то особая культурная атмосфера. Характерными его чертами были: разумный, неослабный труд и духовное воодушевление. Душою обители, несомненно, надо признать матушку Екатерину. Это была святая душа. К себе строгая, подвижница-молитвенница и постница, к другим снисходительная, всегда веселая, – она была общительна, любила пошутить, пофилософствовать, побогословствовать, имея для этого данные. Духовный подвиг несла сокровенно, заметая следы, и лишь приближенные сестры догадывались, что она по ночам подолгу молится...» (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 103 об.–104).

Внимание И. Г. Берхман останавливается не только на культурно-просветительской деятельности монастыря, ей важно отметить, что «Леснинский монастырь был не только духовным центром народной жизни, но и рассадником женского монашества в Холмшине» (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 104 об.–105 об.) и то, что «в женских монастырях Холмшины установилась внутренняя дисциплина: каждая монахиня сознательно относилась к своему долгу, понимая всю серьезность своего призыва. Монастыри были обвязаны одним духом, связаны единством духовно-просветительных методов монашеского труда – и стали для холмского народа необходимой и крепкой опорой» (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 106).

Последняя страница сброшюрованных записей И. Г. Берхман, датированная июлем 1989 г., содержит упоминание об авторе цитируемых ею воспоминаний – тех, которые она включила в свои мемуары: «С Владыкой Евлогием я лично не встречалась. Бывала на его службах в соборе Св. Александра Невского в Париже и, конечно, много слышала о нем от самых разных людей» (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 109). Кроме того, мемуаристка рассказывает о личных знакомствах с наследницами знаменитого монастыря в самом центре Бургундии: «Мать Таисию я знала по моим наездам в Покровский монастырь во Франции, в Bussy-en-Othe.

Родная тетка Матери Таисии в монашестве Мать София, в миру княгиня Шаховская урожденная Озерова, была келейницей Матери Анны, а после смерти М. Анны ее заместительницей» (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 109).

Деятельность монахини Таисии, о которой пишет И. Г. Берхман, стала предметом изучения современной исследовательницы: «Монахиня Таисия (Карцова, 1896–1995), представительница одной из аристократических семей дореволюционной России, родственной Пушкиным и Гончаровым, скончалась в возрасте 99 лет во Франции, в основанном русскими эмигрантами по благословению митрополита русских зарубежных церквей Западной Европы Евлогия (Георгиевского) женском монастыре в Бюсси-ан-Отт. Она прожила в нем последние 43 года своей жизни, занимаясь сбором материалов о русских святых и о женском монашеском подвижничестве» (Энеева 2023: 70). Возможно, именно общение с монахиней Таисией вызвало у И. Г. Берхман интерес к истории женских монастырей. Характеризуя книгу монахини Таисии «Русское православное женское монашество», Н. Т. Энеева отмечает: «Особое внимание мать Таисия уделяет “кусту” “миссионерских” обителей, возникших в конце XIX – начале XX в. под руководством архиепископа, позднее митрополита, Евлогия (Георгиевского) на западных рубежах России. Круг этих монастырей и их насельницы также имеют прямое отношение к ее семейной среде. Это Свято-Богородичный Леснинский, Вировский во имя Спаса Всемилостивого, Красностокский Рождество-Богородицкий монастыри Холмской и Гродненской епархий и их выдающиеся организаторы и игумены Екатерина Леснинская (урожденная графиня Ефимовская), ее преемница игуменья Нина Леснинская; игуменья Анна (Анна Александровна Потто), основательница Вировского монастыря, после ранней кончины которой ее сменила родственница матери Таисии игуменья София (Шаховская), урожденная Ольга Александровна Озерова – родная сестра супруги С. А. Нилуса» (Энеева 2023: 79). Очевидно, что информацией о православных женских монастырях монахиня Таисия делилась и с И. Г. Берхман, которая зафиксировала этот факт в своих воспоминаниях: «От М. Таисии я много слышала и о

Леснинском и о Вировском монастырях и в частности о М. Анне. В монастыре в Bussy с улыбкой говорили, что мы с М. Таисией роднились через наших теток» (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 109).

Свой труд И. Г. Берхман заканчивает благодарностью Богу: «...я оглядываюсь на мою жизнь, вижу, что она была нелегкой... Много у меня бывало моментов страха и отчаяния... Без конца я пролила слез над своим и чужим горем. Этого чужого горя, и индивидуального, и массового, я столько навидалась, что хватило бы на несколько жизней. И все же я думаю, что мне пришлось прожить полную человеческую жизнь, в которой, несмотря ни на что, было много любви, света и тепла.

Могу опять сказать только одно: *Praise be given to the Lord for everything* (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 100). Последние строчки: «Слава Господу за всё», – написаны по-английски: видимо, сказалась долголетняя служба в американском консульстве в Марокко, другое объяснение может быть связано с тем, что И. Г. Берхман завершала мемуары, находясь в Америке, у своих племянниц.

Православные ценности и идеалы помогали русским изгнанникам сохранять чувство единства с национальной культурой покинутой родины, с ее фундаментальными традициями, не прерывать эти связи, а осознавать свое участие в их развитии. Об этом свидетельствуют и другие материалы, хранящиеся в различных фондах архива ДРЗ.

Например, в фонде религиозного философа С. Л. Франка можно увидеть «декабрьские» письма монахини Бландины от 1950, 1951 и 1969 гг., адресованные Т. С. Франк в связи с потерей близких. В письме от 13 декабря 1950 г. (с пометкой: «Bussy») – отклике на кончину С. Л. Франка – монахиня Бландинна обращается к Т. С. Франк со словами утешения: «...какое это должно было быть испытание для Вас и для его детей и друзей. Но сейчас уже наступил мир и покой вечной жизни. Я уверена, что Вы живете в большом страдании, но и в большом свете, т. к. в смерти Семена Людвиговича и для Вас начинается вечная жизнь» (Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 11. Л. 4–4 об.). В фонде С. Л. Франка есть письма к Т. С. Франк и от других людей: например, в письме И. Посновой от 6 января

1976 г. вместе со словами соболезнования и утешения, обращенными к Т. С. Франк в связи со смертью ее мужа и сына, звучат размышления о христианском понимании смерти и страданий: «...страдания могут быть приняты Иисусом Христом как Ваше участие в литургии, в Его жертвоприношении Богу для спасения человечества» (Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 11. Л. 21). В письмах же монахини Бландины отчетливо звучит мысль, представленная святыми апостолами Матфеем, Марком и Лукой: «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22: 32), «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых» (Мк. 12: 27), «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20: 38). Хотя ни одна из приведенных цитат в письмах монахини Бландины не приводится, но ее обращенность к евангельской идее несомненна. Мысль о том, что «у Бога все живы», встречается в книгах монахини Таисии, соединяясь с мыслью о Божественном промысле. Н. Т. Энеева, ссылаясь на воспоминания монахини Таисии, подчеркивает, что она «...судьбой своей всецело обязана неземному водительству и охране. Она описывает, как в 1909 г., когда ей было тринадцать лет, она увидела во сне свою очень рано скончавшуюся мать, отличавшуюся при жизни редкими добродетелями, занимавшуюся широкой благотворительностью и помощью церквам, которая сказала ей: «Я пришла посмотреть, что вы делаете. Слушай внимательно, что я буду тебе говорить. Теперь наступает время, когда всем на земле будет очень трудно. Но ты ничего не бойся, Господь позволил мне это время быть с тобой и охранять тебя. Только почаше ходи в церковь, я там буду с тобой. Знай, что мертвых нет, и никогда не говори этого слова. Мы все живы, только ваши земные глаза сделаны так, что вы не можете нас видеть; а мы ходим среди вас, видим вас и помогаем вам больше, чем если бы мы были среди вас на земле...»» (Энеева 2023: 70–71).

Идея Божественного водительства и идея вечной жизни соединены и в воспоминаниях монахини Вероники (Котляревской): они открылись ей на пороге ее воцерковления, случившегося в период революционного террора. Пережив Первую мировую войну, революцию, смерть брата от испанки, волну арестов, в одну из тревожных ночей будущая монахиня, а пока театральная актриса «...отыскала дав-

ным-давно где-то спрятанное Евангелие и принялась читать.

Часы бежали один за другим, а я все читала... Слова жгли мое сердце, проникали в душу. То, что было для меня прежде скрыто и ненужно, вдруг ожило и остро до боли проникло все мое существо. Так прошла вся ночь» (м. Вероника: 9). Наутро В. С. Котляревская узнала, что именно этой ночью ее отец чудесным образом избежал ареста. После этого известия она отправилась не в театр, а в церковь, где заявила священнику о своем желании причаститься, при этом призналась, что не готовилась к принятию Святых Даров. И «один из самых строгих исповедников, ревностный молитвенник, основатель одного из братств...» допустил ее к Причастию, потому что понял, что такова «...Господня воля. Почувствовал, что иначе нельзя» (м. Вероника: 9–10). Этот момент стал поворотным в жизни В. С. Котляревской: «Стояла я обедню, как на крыльях. Ничего не помню. Но, когда причастилась, точно завеса упала с глаз моих. То, чего не могли добиться ни мои друзья, ни муж, ни чтение духовных книг, – в один миг совершила благодать Божья. Вышла я из церкви другим человеком. Теперь я была верующей» (м. Вероника: 10).

Осознавая нравственный переворот, который совершился в ее душе, В. С. Котляревская отмечает то новое, что ей открылось: «Ясно, до боли, ощущала я невидимую близость и присутствие кругом меня святых и умерших близких. Между прошлым и моей жизнью в настоящем легла неизгладимая черта». При этом она понимает, что происходящее лично с ней несет на себе печать Времени: «То, что я пережила и переживала, было характерно для очень многих в тот период. Властный призыв Божий слышали очень многие. Горе, страдания, а, главное, произволение Божие, привели на путь Господень тысячи заблудших душ» (м. Вероника: 10–11).

Копии писем монахини Вероники к епископу Серафиму (Иванову) и к епископу Нафанаилу (Львову) хранятся в «шмелевском» фонде Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Фонд 41 – фонд знаменитого писателя Ивана Сергеевича Шмелева, которого называли «певцом русского православия» – требует отдельного упоминания. Здесь, помимо художественного и публицистического наследия

писателя, хранятся письма Шмелева к церковным деятелям и – в гораздо большем объеме – письма к писателю от монахов, священников, от прихожан разных храмов и представителей православных общин и т. д. Письма монахини Вероники 1947 г. о монашестве в эмиграции (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779), как и ответное письмо к ней от епископа Серафима, датированное 22 октября 1947 г. (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 780), хранятся в разделе «Материалы, собранные И. С. Шмелевым для своих работ и по интересующим его темам».

Каким же образом они попали в архив писателя? На протяжении многих лет Шмелев вел переписку с архиепископом Серафимом (Ивановым), с которым он познакомился во время своего пребывания в братстве преподобного Иова Почаевского в 1937 г. В 1947 г. отец Серафим благословил монахиню Веронику на создание женской общины во Франции и предложил Шмелеву, который в то время планировал поехать в Америку, предоставить свою квартиру для размещения сестер. Вместе со своим письмом к Шмелеву от 22 ноября 1947 г. Владыка переслал писателю копии писем м. Вероники и своего ответа и выразил надежду на их дальнейшее личное знакомство (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 601. Л. 3–3 об.).

В Аннотированном именном указателе 3-й описи «шмелевского фонда», который подготовила О. Н. Патока, ведущий научный сотрудник Отдела архивно-рукописных и печатных источников ДРЗ, содержатся справочные сведения о монахине Веронике: «Вероника, монахиня (Котляревская Варвара Степановна (урожд. Брасская)) (1885, Киев – 1950, Франция) – окончила Закавказский девичий институт, училась на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге. Окончила школу Московского Художественного театра. В течение 10 лет работала в Александринском театре в Петербурге под псевдонимом Варвара Стакхова. В 1914 работала сестрой милосердия. Обратилась к вере и стала духовной дочерью игумении Воскресенской Покровской общины Евфросинии (Арсеньевой). Вышла замуж за литературоведа академика Нестора Александровича Котляревского (1863–1925). После кончины мужа оставила сцену. С 1927 жила в монашеской общине Иоанновского монастыря на территории

Александро-Невской лавры в Ленинграде. Находилась под духовным руководством епископа Мануила (Лемешевского) (впоследствии митрополита) и старца Серафима Вырицкого. В 1932 была приговорена к 3 годам лагерей. Срок отбывала в Свирилаге. В 1933 была досрочно освобождена по инвалидности. Выйдя на свободу, приняла монашеский постриг. Эмигрировала во Францию. Активная прихожанка церкви Воскресения Христова в Медоне (близ Парижа, Франция). Принимала активное участие в работе Союза Покрова Пресвятой Богородицы, основанного епископом Нафанаилом (Львовым). Автор воспоминаний, печатавшихся в журнале «Православная Русь» и позднее вышедших отдельным изданием» (Ф. 41. Оп. 3. Аннотированный именной указатель). Книга «Воспоминания монахини» была издана в Сан-Франциско, по разным данным, в 1950 или в 1955 г.

Свои воспоминания монахиня Вероника в письме к епископу Нафанаилу (Львову) охарактеризовала как поспешные. Однако исследователи истории православия отмечают их ценность. Так, осмыслия подвижнический подвиг игумении Санкт-Петербургского Иоанновского общежительного женского монастыря Ангелины (в миру – Анны Семеновны Сергеевой), духовной дочери о. Иоанна Кронштадтского, М. В. Шкаровский ссылается на свидетельства монахини Вероники, представленные в ее «Воспоминаниях...» (Шкаровский 2010: 33, 38, 39). Размышляя о тревожной жизни русского православного сообщества в послереволюционные годы, о разного рода опасностях, подстерегавших «и клир, и мир», монахиня Вероника отдает дань памяти матушке Ангелине – человеку, как она пишет, «глубокой внутренней жизни», обращаясь при этом к авторитету высокой праведности: «Батюшка, отец Иоанн Кронштадтский, не мог ошибиться, да и не ошибся, поставив именно ее во главе обители» (м. Вероника: 15).

Воспоминания монахини Вероники повествуют не только об отдельных эпизодах церковной жизни трагических лет, но и являются ярким свидетельством Времени, в них можно увидеть магистральные пути развития русского православия: «Наша церковная жизнь, быстро ушедшшая в катакомбы, очень напоминала первые века христианства. Охваченные восторгом

новообращенные люди бесстрашно становились на работу в Божием вертограде, не взирая ни на какие опасности, не боясь никаких мучений и преследований» (м. Вероника: 11). Но вместе с восторгом новообращенным приходилось переживать множество трагических моментов. Один из них касался внутреннего раскола, о котором в «Воспоминаниях» с горечью сказано следующее: «Приходилось стоять на страже Православия не только от внешних нападок инакомыслящих других христиан. В недрах самой нашей церкви шел сильный внутренний раскол... приходилось иметь дело с расколом внутри самой церкви: с “живой” церковью, а потом с движением иосифлян (Иосифляне – последователи епископа Иосифа, порвавшего с митрополитом Сергием), создавших мучительную рознь и ненависть среди лучших служителей Тихоновской церкви» (м. Вероника: 14). В «Воспоминаниях» речь идет и о разгромах храмов, и о закрытии монастырей, уничтожении икон и других святынь, не раз упоминается «Святая Ночь» – время массовых арестов священнослужителей и верующих. Но несмотря ни на какие беды и искушения, слышен был Божий призыв и земные силы православных укрепляли последователи Христа, причастники жизни вечной. Описывая храм в Сергиевской пустыни, строителем и первым настоятелем которой был Игнатий Брянчанинов, монахиня Вероника отмечает: «Прозрачный мистический полумрак окутывал входящего богомольца. Вместо иконостаса – два огромных, темно-бронзовых коленопреклонных ангела украшали доступ в алтарь.

На стенах была изображена бесконечная вереница святых, которые все шли, шли... туда – вперед, к Богу. В облаках кадильного дыма казалось, что все они живы и действительно идут. Этот непрерывный поток людей – тут были цари и царицы, князья, воины, монахи, пустынники в звериных кожах с длинными волосами, дети, юноши, старцы, мученики, великомученицы и преподобные – создавал непередаваемое, влекущее впечатление, манил за собою в небесные дали» (м. Вероника: 34–35).

За год до своего ареста будущая монахиня Вероника удостоилась быть свидетельницей пророчества епископа Макария, настоятеля Макарьевской пустыни – небольшого мужского монастыря в окрест-

ностях Петербурга. Ей владыка адресовал слова о неминуемом:

«– Если бы вы знали, сколько тяжелого нас ждет впереди. Сколько страданий и мучений. Наша обитель будет разорена. Святыни наши поруганы.

<...> Через год его пророчество сбылось. Разразились аресты “святой ночи” и смили с лица земли все остатки монастырей и общин. В эту ночь была арестована и я» (м. Вероника: 42). Православные, на чью долю пришлось время общих испытаний, ощущали небесную поддержку. Монахиня Вероника рассказывает об одной удивительной иконе Преподобного Сергия, где «он был написан еще молодым с темно-русой бородой и светло-каштановыми волосами. Глаза синие, проницательные, в упор смотрели на богомольца» (м. Вероника: 35). Икону в эпоху гонений на церковь пытались спасти верующие, прятали, передавали друг другу, какое-то время хранилась икона и у автора «Воспоминаний»: «Переночевала она и у меня, словно Преподобный приходил сказать мне “прости” перед моим арестом. Потом в тюрьме, в ночь приговора, я увидела эту икону во сне. Преподобный поднял руку и осенил меня широким крестом. Тяжело легла его рука на мой лоб и плечи» (м. Вероника: 35).

Последняя глава «Воспоминаний» посвящена аресту, заключению и освобождению В. С. Котляревской, о котором она также получила пророческое указание, связанное с праздниками Преображения Господня и Успения Божией Матери: «...на Преображение получила я первую весть о возможности Свободы», а накануне Успения – известие от коменданта, который торжественно прочитал «...телефонограмму из Гулага: я и еще одна сестра досрочно освобождены» (м. Вероника: 44).

Выходя на свободу, В. С. Котляревская приняла иноческий постриг с именем Вероники, а оказавшись в эмиграции, монахиня Вероника написала письма архипастырям Русской Православной Церкви Заграницей с тем, чтобы получить руководство на пути монашеского служения. Ей важно было найти поддержку в понимании глубинных основ монашества, которые она считала самым важным ориентиром для своего иноческого пути. Рассказывая о его начале, она отмечает: «...довелось мне пережить первые, такие глубокие и непе-

редаваемые призывы Господа к сокровенной молитве. Эти незабываемые, ни с чем не сравнимые минуты навсегда отделяют того, кто их пережил, от мирян». В этой связи и приводится авторский отклик на уже изданную книгу: «В своих воспоминаниях, так наспех написанных, я, конечно, не смогла коснуться этого, потому что об этом вообще говорить страшно...» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 1). (Здесь и далее выдержки из писем монахини Вероники и епископа Серафима приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации. – Ю. П.)

В письме к епископу Нафанаилу монахиня Вероника рассказывает о том, как она пришла к монашеству: «Первые годы была под руководством очень опытных и высокой жизни стариц – игумений, духовных дочерей старца Алексия Зосимовского. Невольно, само собой вышло, что я познакомилась с заветами нашего русского монашества через них, бывая у них в монастырях, слушая их наставления... Мне казалось – нет и не может быть другого пути иноческого. Здоровое, крепкое и незыблемое чувствовалось в нем» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 1). Очень коротко отмечает этапы своего пути: «Потом наступили для меня годы послушания келейницы у старца. Келия моя была буквально завалена лучшими творениями святых отцов. В связи с разгромом библиотеки Св. Синода удалось вывести оттуда все самое духовно ценное. Была я еще в рясофоре. Усердно читала и впитывала в себя настроение нашего монашества, касаясь его лучших сокровенных сторон. Знала только келию Батюшки да свою в нашей общинке, ютившейся тоже в Лавре. Иногда посещала еще соседние неразогнанные монастыри.

И тут – постриг в мантию. После теории наступила практика.

Монашеские обеты. – «Научи, Господи, как исполнять их».

Сурова была Его школа. Арест. Концлагерь. 4 раза я оставалась буквально без всего – в одном платье, даже без пальто сверху. Вот как Он учил меня нестяжательности. А концлагерь, “урки” и сапог Нквдиста нравственно и физически приучили к смирению.

Во всем этом была какая-то тихая, великая, тайная радостность – могучая ощущительная сила старческой благодатной молитвы за нас» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 1 об.).

В нескольких словах описывает монахиня Вероника «годы скитаний бездомных по чужим городам», а затем, уже за пределами родины, – сыпно-тифозный барак «в немецком лагере в Польше», тяжкую болезнь и «мирный свет» чудесного выздоровления по благословению Преподобного Серафима Саровского. Выбравшись из лагеря Ди-Пи (поколением Ди-Пи, от англ. «DP» – Displaced Persons, буквально «перемещенные лица», часто называют «вторую», послевоенную волну русской эмиграции: жизнь ее представителей вне родины часто начиналась с лагерей для русских военно-пленных, оставшихся и беженских), монахиня Вероника характеризует свое состояние, как «...радость вырвавшегося на свободу зверька. Я радовалась солнцу, воздуху, людям, животным, разговорам», – писала она. Вместе с тем это был период обучения ритму внешнего монашества: «...я упорно училась внешнему, бытовому монашеству – ведь мне негде было его узнать за годы скитаний и гонений. Научилась кланяться по-монашески, читать в церкви, креститься, не ломая креста, и т. д.» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 1 об.).

Но главное для монахини Вероники не описание собственной жизни, а стремление донести в письме то, что она считает самым важным в монашестве. Для этого она прибегает к труду Григория Паламы: «Чтобы перевести на язык слов переживаемое мною, приведу выписку из Добротолюбия. После молитвы о том, чтобы Господь помог передать мои переживания, открыла эту главу Григория Паламы...» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 1). А далее следует несколько цитат из главы о молитве и чистоте сердца (Добротолюбие 2010): «Поелику Бог есть сама благость, само милосердие и бездна благоволения, то кто вступит в единение с Ним, всяко сподобляется милосердия Его...» и др. («Когда кто пребудет в сей собранности ума...», «Поставить ум в такое состояние...») (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 1).

Укрепляя себя обращением к труду Григория Паламы, монахиня Вероника пишет епископу Нафанаилу о своей главной тревоге и боли: «В эмиграции сохранился очень высокий уровень культурно-духовного развития. Много глубоких философско-богословских теорий, подчас несколько запутанных и туманных, отвечают на за-

просы духа верующих. Но невольно у меня возникло такое чувство, что я прыгнула на 30 лет назад и окунулась опять в прежнюю дореволюционную жизнь с ее значительными ценностями и не менее крупными недостатками. Выплеснувшаяся сюда во Францию волна не вынесла из России того, что самое насущное для монахов. Здесь нет настоящего понимания нашего старчества и монашества и не сохраняются его заветы. Нет даже полного понимания значения монашества для русского народа за рубежом. Ощущается то же неумение перейти от хороших слов к делу, что и прежде. Повторяются все прежние недостатки, которые привели к революции.

А жизнь за эти годы сделала огромный сдвиг в душе тех, кто их пережил на родине и по воле Божией как-то остался в живых до сих пор. Она вылечила их от слабоволия и словоговорения. Она сделала их цепкими, сильными, устойчивыми в том, чего они хотят и во что верят... Сквозь бурю неверия, под ударами большевиков все заветы нашего Православного монашества очистились, окрепли и действенны...» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 2 об.).

Причину обращения к епископу Нафанаилу монахиня Вероника объясняет тем, что чувствует «...внутреннюю необходимость быть понятой Вами, облеченным благодатью Святительства. Благодаря тому, что Господь привел меня к Вам в Братиславе и этим указал на Ваш церковный путь, как на правильный, и я сама ощущаю его таковым, – придаю Вашему решению большое значение для себя» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 1). Авторитет Владыки для монахини Вероники подкреплен практикой его монашеского служения, которое представляется ей образцом деятельности: «Ведь Ваша Обитель Иова Почаевского не только крепко стала на ноги в Америке, но ее подворья в Европе тоже растут и плодотворно работают» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 2 об.).

Свои заветные мысли монахиня Вероника выделяет в письме написанием слов прописными буквами: «ДОБРОДЕЛАНИЕ, идущее от человека к Богу, не отвечает основам МОНАШЕСКАГО ДЕЛАНИЯ, идущего к Богу через молитву и уже от Бога к человеку. В этом сущность учения Паисия Величковского и Преподобного Серафима» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 2 об.).

Размышления монахини Вероники об истинном пути монашества настолько ее волнуют, настолько она жаждет наставнического совета, что делает копию с письма к епископу Нафанаилу и отправляет ее епископу Серафиму, который на момент написания письма уже принял на себя руководство монастырем Святой Троицы в Джорданвилле: «Написала Вл. Наф[<]анаилу[>] письмо, в котором постаралась изложить то, о чем я вам обоим не передавала из своей жизни, то, с чем встретилась здесь, и то, чего хочу от монашества и как его понимаю. Посылаю Вам это письмо. Не знаю, смогу ли говориться с ним. Если бы это были Вы, мы бы сразу поняли друг друга» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 2).

Епископу Серафиму она также пишет о том, что считает определяющим путь монаха: «Для меня сейчас главное молитва и внутреннее делание, которое, конечно, неразрывно связано с доброделанием, но идет от Бога к человеку» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 2). Монахиню Веронику не устраивало сложившееся во многих зарубежных общинах представление о монашестве как о преимущественно социальном служении миру, непонимание сути монашеского подвига.

В ответном письме епископа Серафима говорилось: «Внимательно, несколько раз перечел я Ваше письмо и не нашел в нем ни одной неверной с точки зрения понимания монашества мысли. Приветствуя сие Ваше доброе душевное устроение и молитвенно от всей души желаю, чтобы Господь даровал Вам возможность осуществить в жизни сей путь. <...> Радуюсь, что Вы утвердились в истинности пути нашей Зарубежной Соборной Церкви» (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 780. Л. 1–2). Епископ Серафим благословил монахиню Веронику на осуществление высокой миссии: «Верую, что не напрасно привел Вас Господь во Францию. Думаю я, что именно самой подходящей страной для сего является Франция. Там очень много обездоленных русских женщин, из которых можно легче найти единомышляющих, там необходимо создать русский соборный женский монастырь молитвенно-миссионерский» (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 780. Л. 1).

Поскольку вопросы о мировоззренческих основах монашества волновали монахиню Веронику в связи с практикой ино-

ческой жизни, она спрашивала о том, что надо предпринимать. От епископа Серафима получила практические советы, буквально поэтапную программу действий: «Итак, вот план. Прежде всего найти 2–3 единомышленных в духе Вашего письма. Все, живя даже поначалу врозь, встречаются 1–2 раза в неделю для общей молитвы (акафиста) и для беседы. Все трое ищут гнездо <...> одну из комнат отвели, если не под церковку, то хотя бы под моленную. Заводите ежедневные монастырские службы пока по-староверски — без священника. Пока можно сокращенно <...> утром рано выслушать хотя бы утренние молитвы и полунощницу, которую поначалу можно читать и без кафизмы или с одной славой. А вечером для всех повечерие, пока хоть и без канона Божией Матери, и вечерние молитвы. Вечерню, утреню и часы в сокращении хотя бы, может вычитывать даже одна в случае необходимости, поначалу. Важно, чтобы начался круг монастырских богослужений. По праздникам, а если можно и в будни, можно заниматься книгоношеством в монашеском или полумонашеском одевании. Это доброе дело, всегда сопряженное с миссионерством <...> Когда число сестер Общины вырастет хотя бы до десятка, тогда можно уже подумать о преобразовании моленной в домовую церковку и о приискации иерея-духовника. Жизнь потом сама покажет, как жить, трудиться и спасаться Общине. Главное, положить начало благое, а его можно положить именно на том основании, которое Вы и желаете» (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 780. Л. 1–2).

Для епископа Серафима мысли, высказанные монахиней Вероникой, представляли большую ценность. Он решил опубликовать их в газете «Православная Русь», который издавал Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле: «Ваше пись-

мо я в купюрах хочу поместить в ближайшем номере “Пр[<]авославной[>] Руси”. Будьте покойны — личное, могущее раскрыть Ваш псевдоним, будет изъято. Подпишу — монахиня “оттуда”» (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 780. Л. 2).

Настоятельные попытки монахини Вероники утвердиться в понимании истинного монашеского пути определяются тем, как она понимает значение монашеской жизни для общества: «Монашество, — пишет она, — это внутренняя пружина, движущая духом народа, это нравственная санатория, лечебница человеческой души, это показатель жизненности народа. Монахи несут на себе ответственность за его нравственное состояние» (Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779. Л. 2 об.). Можно сказать, что эта высокая задача не теряет своей актуальности и сегодня.

Представленные материалы из архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына рисуют отдельные фрагменты религиозной жизни наших соотечественников, оказавшихся за пределами родины, но пытавшихся сохранить ее нравственные традиции. Примеры православной жизни, отраженные в воспоминаниях И. Г. Берхман, размышления монахини Вероники (Котляревской) о монашестве в эмиграции, высказанные в письмах к епископу Нафанаилу (Львову) и епископу Серафиму (Иванову), другие архивные материалы позволяют понять, как русский мир сохранил себя в изгнании, какую роль сыграла Русская Православная Церковь в сбережении духовного наследия страны. Вопросы, которые занимали православных эмигрантов, проблемы, которые решали миряне и монахи, свидетельствуют о важности для русского зарубежья церковной жизни, с которой неизменно связаны пути напряженных духовных поисков.

Источники и материалы

- Архив ДРЗ – Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына.
- Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 32.
- Архив ДРЗ. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 11.
- Архив ДРЗ.Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 601.
- Архив ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 779.
- Архив ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 780.

- м. Вероника – Вероника (Котляревская В. С.), монахиня. Воспоминания монахини. San Francisco (Calif.): Издание газеты «Русская жизнь», б/г. 44 с.
- митр. Евлогий 1947 – Евлогий (Георгиевский В. С.), митр. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж: YMCA-press, 1947. 678 с.
- Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1996. 624 с.

Научная литература

- Хохлова В. П. Душой с Россией. Русская женщина в Марокко // Восточный архив. 2007. № 16. С. 40–50.
- Шкаровский М. В. Новомученицы и исповедницы – духовные дочери святого Иоанна Кронштадтского // Вестник Свято-Филаретовского института. 2010. № 2. С. 28–46.
- Энеева Н. Т. Монахиня Таисия (Карцова) – агиограф Русского Зарубежья // Традиции и современность. 2023. № 34. С. 69–83.

References

- Eneeva, N. T. 2023. Monakhinya Taisiya (Kartsova) – agiograf Russkogo Zarubezh'ya [Nun Taisiya (Kartsova) – historian of the Russian diaspora]. *Traditsii i sovremennost'* 34: 69–83.
- Khokhlova, V. P. 2007. Dushoi s Rossiei. Russkaya zhenschchina v Marokko [Soul with Russia. Russian woman in Morocco]. *Vostochnyi arkhiv* 16: 40–50.
- Shkarovskii, M. V. 2010. Novomuchenitsy i ispovednitsy – duchovnye docheri svyatogo Ioanna Kronshtadtskogo [New Martyrs and Confessors – spiritual daughters of St. John of Kronstadt]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta* 2: 28–46.
- Solzhenitsyn, A. I. 1996. *Publitsistika*. Vol. 2: *Obshchestvennye zayavleniya, pis'ma, interv'yu*. [Publicistika: In 3 vol. Vol. 2: Public statements, letters, interviews]. Yaroslavl: Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.

«MONASTICISM... THIS IS A HOSPITAL FOR THE HUMAN SOUL»: RUSSIAN EMIGRANTS ABOUT THE SPIRITUAL TRADITIONS OF MONASTICISM

Abstract. The archives of the Alexander Solzhenitsyn House of Russians Abroad keeps letters, memoirs and other ego-documents of representatives of the White emigration and subsequent «waves» of Russian refugees. The Russians Abroad have always been attentive to the issues of faith and religious life, to the comprehension of the history of Orthodox monasteries, including women's monasteries, and to the spiritual traditions developed in the monastic environment. The article examines archival materials (primarily private correspondence and memoirs), addressing both the worldview foundations of Christianity and the organization of church life. The memoirs of Irina Berkman, the letters of Nun Veronica (Kotlyarevskaya), other archival materials allow us to understand how the Russian world preserved itself in exile, what role the Russian Orthodox Church played in preserving the spiritual heritage of the country.

Keywords: Archive of the Alexander Solzhenitsyn House of Russians Abroad, Russian memorial library, Irina Berkman, Nun Taisia (Kartsova), Nun Veronika (Kotlyarevskaya), Orthodox values.

Authors Info: Pavelieva, Yulia E. – Ph. D. in Philology, Leading Researcher, State Budgetary Institution of Culture of Moscow «Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad» (Moscow, Russian Federation), Email: up1469@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

For citation: Pavelieva, Y. E. 2024. «Monasticism... this is a hospital for the human soul»: Russian emigrants about the spiritual traditions of monasticism. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremenost')* 36: 26–36